

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 35 К. И НА СТ.
РОЗН. ПРОДАЖЪ 40 К. ЖЕЛ. ДОР.

1
306
1917N
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 17

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917
МАЙ

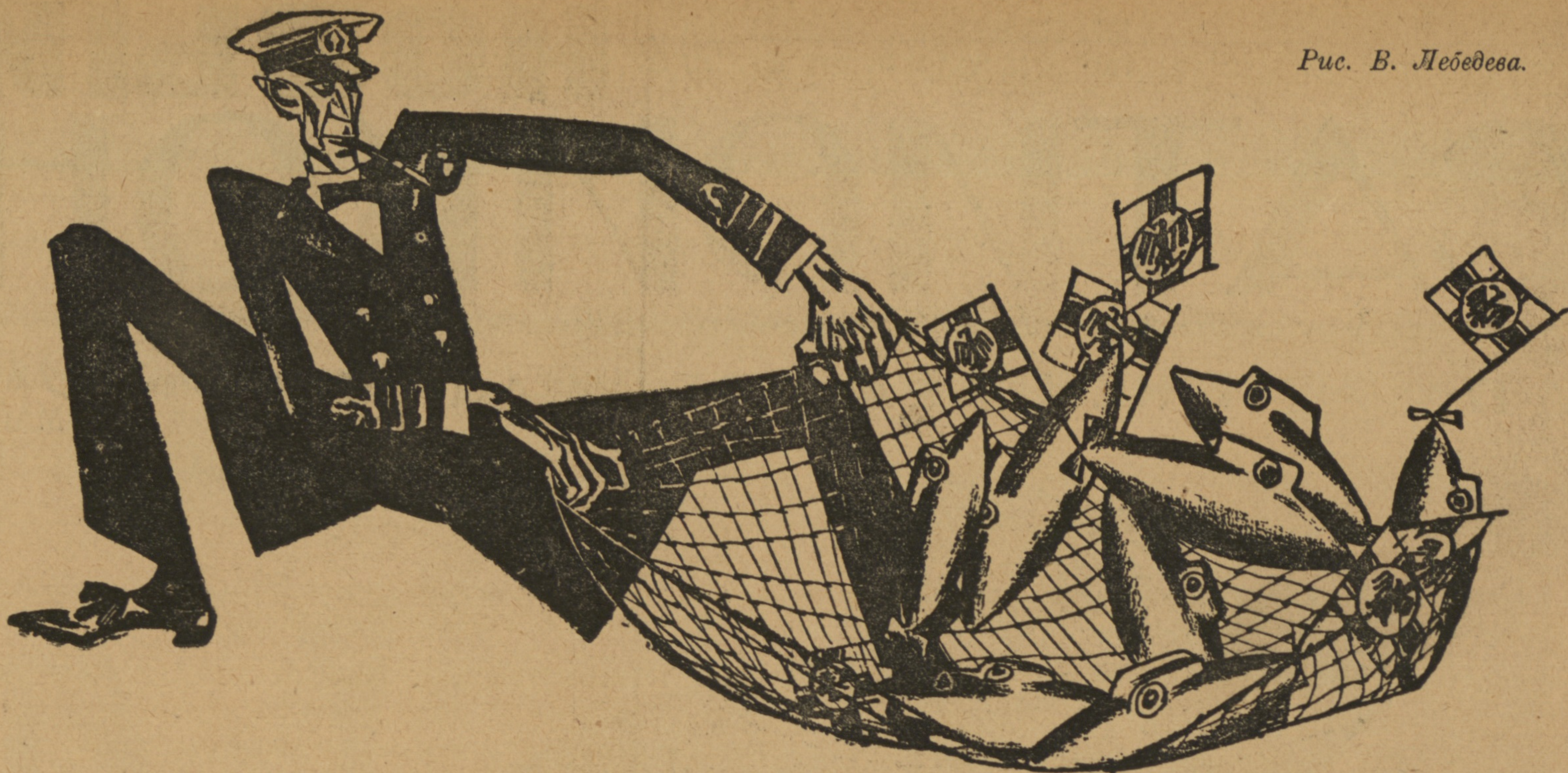

А Г Р А Р Н О Е.

Помѣщикъ: — Что это ты, мужичекъ, на одной ногѣ стоишь?

Крестьянинъ: — Да другую, вишь, поставить некуда: вездѣ вашей милости земляца. Боюсь, еще за поправу судить будете...

ВЪ ПРИПАДКЪ РЕЛИГИОЗНАГО ЭКСТАЗА.

Изъ Одессы пришло извѣстіе, что одесскій Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ призналъ за благо конфисковать номеръ «Сатирикона», въ которомъ былъ помѣщенъ рисунокъ, якобы оскорбляющій религіозныя чувства православнаго одессита.

Въ мотивированномъ объясненіи по поводу конфискаціи «Сатирикона», од. сов. раб. и солд. деп. указываетъ на то, что конфискація произведена имъ исключительно лишь для того, чтобы утишить народное волненіе, ибо одесскій народъ нападалъ на газетчиковъ, отнималъ у нихъ номера «Сатирикона» и рвалъ эти номера.

Такая мотивировка конфискаціи насъ совершенно устраиваетъ, и мы ничего не можемъ возразить противъ дѣйствій од. сов. раб. и солд. депутатовъ.

Конфисковали, — значитъ, надо было, значитъ, иначе нельзя.

Да, мы и привыкли къ этому.

Но кто насъ поразилъ и изумилъ до глубины души — это «православные одесситы», вдругъ набросившіеся на мирный «Сатириконъ» въ припадкѣ религіознаго экстаза.

Что такое? Въ чемъ дѣло? Почему именно одесситъ долженъ явиться духовнымъ цензоромъ («Сатирикона»)?

Неужели, Одесса — этогъ сплошной ходячій анекдотъ — и тутъ должна была остаться вѣрна себѣ?

Случись это въ Тулѣ, Орлѣ, Москвѣ или Харьковѣ — еще кое-какъ, съ натяжкой можно было бы объяснить:

— Несознательные темные православные люди, увидѣвъ на рисункѣ крестъ и не разобравъ въ чемъ дѣло, сдуру, сослѣпу набросились на журналъ, какъ быкъ на красный плащъ...

Но одесситы! Гдѣ, за столикомъ какого кафэ родился этотъ по-южному безумный, нелѣпый, гасконскій жестъ?

Неужели каждый одесситъ думаетъ, что онъ лучше редактора «Сатирикона» понимаетъ, — что можно и чего нельзя печатать?

— Тю на васъ, — какъ говорятъ у васъ же въ Одессѣ. — Если вамъ нужно разжевывать, какъ малымъ дѣтямъ, что мы смѣемся не надъ крестомъ, а надъ тѣми, кто изъ креста сдѣлалъ оправданіе казней, — то вы не читайте нашего журнала... онъ не для васъ...

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Въ половинѣ мая долженъ выйти въ свѣтъ новый

ЖУРНАЛЪ ПАМФЛЕТОВЪ

— ЭШАФОТЪ —

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ.

КОЗЬМА РОЩИНЪ.

Спокоенъ бѣгъ Оки просторной,
Красны прибрежные холмы,
Одинъ изъ нихъ, — есть слухъ упорный,
Могила Рощина Козьмы.

Угрюмъ онъ, выше всѣхъ и круче,
На немъ горюетъ голь-сосна,
Стрѣлой, ужалившей изъ тучи,
Она черно изъязвлена.

Покровы лягутъ сребротканны,
Взлетятъ метели по зимѣ,
Но у Козьмы такъ жарки раны,
Что таетъ снѣгъ на томъ холмѣ.

Съ Козьмой казна его зарыта.
Лежить въ гробу желѣзномъ онъ,
Семь обручей на гробъ набито,
Но то — ни смерть, ни явь, ни сонъ.

Въ его рукѣ кистень пудовый,
Раскрыты очи, прозень ликъ,
Изъ сердца кличъ растетъ громовой,
Но нѣмъ до времени языкъ.

На этотъ кличъ лѣсныя друти
Сбѣгались волею хмѣльны,
Садилась тѣсно въ рѣзвы струги,
И рвали весла грудь волны.

Въ бѣдѣ за годомъ годъ влачится,
Суля предсказанное въ снахъ.
Притащить чахлая волчица
Волченка мертваго въ зубахъ.

Завоетъ въ ладъ недужной ночи,
Чтобъ услыхалъ, узналъ Козьма,
Что мужику терпѣть нѣтъ мочи,
Что пусты клѣти, закрома.

Могуче-крѣпнувшая злоба,
Что яръ-огонъ взвихрится въ немъ,
И, подымаясь, въ крышку гроба
Козьма ударитъ кистенемъ.

Онъ выйдетъ, кровью истекая,
Чинить по сердцу судъ прямой,
И Русь, что туча грозовая,
Пойдетъ за Рощинымъ Козьмой.

Александръ Рославлевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Посмертныя записки.)

... Наконецъ дѣло дошло до того, что появляться на улицѣ безъ группы единомышленниковъ и безъ какого-нибудь плаката стало неудобнымъ. Поэтому, даже по пути въ фарсъ самые умѣренныя праждаке собирали своихъ знакомыхъ и шли дружной группой, подпѣвая что-нибудь на всякій случай. Лѣвые элементы знали, что пѣть, а кадетскія семейства выбирали легкую пѣсенку, не оскорбляющую политическаго чувства другихъ гражданъ: «Чижики, чижики, гдѣ ты былъ?» или: «Тра-та-та, тра-та-та, вышла кошка за кота».

Больше того, если кто-нибудь спѣшно выходилъ на улицу одинъ, все равно въ рукахъ у него былъ легонькій плакатикъ съ чисто-семейной надписью: «Долой Ивана Петровича, не отдающаго картежныхъ проигрышей», или еще болѣе семейнѣе: «Да здравствуетъ тетя Лиза».

Именно въ этотъ моментъ ко мнѣ и обратилось население моего района съ просьбой найти мѣру борьбы съ демонстраціями.

— Понимаете, гражданинъ, извозчики ужъ не везутъ. Нанимаешь его на Петербургскую сторону, а онъ не ѣдетъ. Сегодня, говорить, въ городской думѣ насчетъ провіанта разговаривать будутъ, такъ на Петербургской не проѣдешь. Малая Колпинская съ Большой Шамшевой драться будутъ.

— Ну, на Васильевскій Островъ, извозчикъ.

— Туда, — говорить, — четыре дня уже не ѣздитъ нашъ братъ извозчикъ. Тамъ насчетъ сепаратнаго мира Сербіи съ Болгаріей неспокойно. Который пѣшой, такъ ему прѣйтить можно, а насчетъ того, чтобы съ лошадыю — тѣсно.

Я рѣшилъ уступить настойчивымъ просьбамъ моего района и вышелъ на улицу проводить свой планъ уменьшенія уличныхъ манифестацій. Онъ оказался хорошо продуманнымъ, толковымъ и безошибочнымъ.

* * *

Первая демонстрація, которую я встрѣтилъ, поразила меня своей корректностью и внѣшнимъ изяществомъ. Это были благовоспитанные молодые люди съ бѣлыми билетами въ жилетныхъ карманахъ и добродушные старички, призыва 1743 года. Отъ нихъ нѣжно пахло хорошими духами, а на лицахъ былъ написанъ открытый героизмъ. Въ рукахъ у молодого джентльмена въ желтыхъ перчаткахъ колыхался плакатъ съ гордой надписью: «Война до побѣды и вообще до конца».

— Граждане! — остановился я противъ толпы, — привѣтствую васъ!

— Мерси, — вѣжливо отвѣтили демонстранты. — Вы тоже за войну до конца?

— Именно. До конца. Съ той и другой стороны. Куда вы идете, граждане?

Молодой человекъ съ плакатомъ подумалъ и сказалъ:

— Мы? Вообще. Однимъ словомъ, война до полной побѣды. Сейчасъ на Литейный проспектъ, а потомъ на Невскій.

— Нѣтъ, граждане, — горячо заговорилъ я, — вы не пойдете на Невскій проспектъ... Мы пойдѣмъ туда, гдѣ умираютъ наши братья... Гдѣ они борются...

— Это, кажется, не по Невскому? — предупредилъ меня человекъ съ плакатомъ.

— Нѣтъ, это дальше. Однимъ словомъ, валяй, братцы, въ окопы! Разъ война до побѣднаго конца...

Изъ середины манифестантовъ раздался чей-то радостный голось:

— Вотъ онъ, вотъ онъ... Петръ Петровичъ, а я къ вамъ...

И вынырнувшая фигура стала быстро удаляться.

— Петръ Петровичъ!.. Неужели это онъ? Петя!.. Голубчикъ...

Добрая половина манифестантовъ охотно полѣзла въ трамвай, на извозчиковъ, и передо мной остались только передніе ряды.

— Сейчасъ, граждане, — радостно предложилъ я, — мы пойдѣмъ въ канцелярію воинскаго начальника... Мнѣ выпала великая честь привести къ нему цѣлыхъ три сотни добровольцевъ...

— Меня что считать, — хмуро заявилъ кто-то сбоку, осторожно отдѣляясь ближе къ тротуару, — я за почестями

не гонюсь... Извозчикъ, три рубля, только поскорѣе въ сторону...

— Радостные и гордые отъ сознанія своего подвига, — еще порячѣе продолжалъ я, — вы надѣнете на себя сѣрую шинель, и я ручаюсь, что вамъ уступятъ мѣсто въ первой же маршевой ротѣ... Почему вы хотите войны до полной побѣды, граждане?

— Я за союзные договоры, — робко протянулъ человекъ съ плакатомъ, — и вообще до конца.

— Привѣтствую васъ... Дайте вашу руку! Нѣтъ, я прямо васъ поцѣлую!.. Идите и не смѣйте возвращаться, пока послѣдняя нѣмецкая колонія въ Африкѣ не будетъ въ англійскихъ рукахъ... Да, да, я настаиваю на этомъ... Пишите, когда Триенъ попадетъ въ руки итальянцевъ, очень обрадуется...

— Кажется, сейчасъ въ окопахъ неуютно? — разсѣянно спросилъ кто-то сбоку.

— Пустяки! Что значитъ неуютность, разъ война до конца и до полной побѣды и за соблюде... Молодой человекъ! Послушайте! Куда же вы... Плакатъ забыли... Граждане, не надо такъ быстро...

Какой-то господинъ, проходившій мимо, остановился и спросилъ:

— Вы это кому?

— Имъ! Манифестаціи. Тутъ была такая сейчасъ. Только что скончалась. Плакатъ оставили. Можетъ, возьмете?

— Плакатикъ-то? Очень благодаренъ. Очень... Какъ разъ въ гости иду, такъ безъ плакатика-то неудобно... Не такое время, чтобы безъ плаката ходить...

* * *

Съ этого дня я не переставалъ обходить свой районъ, идя навстрѣчу интересамъ каждой манифестаціи. Къ каждой изъ нихъ я обращался съ какимъ-либо краткимъ и чистодѣловымъ предложеніемъ.

— Граждане! — обращался я съ предложеніемъ къ манифестаціи съ плакатомъ: «Долой Временное Правительство» — идемте и смѣстимъ это Временное Правительство... Зачѣмъ намъ останавливаться, какъ это дѣлаютъ буржуи, эсъ-эры и меньшевики, на коалиціонномъ министерствѣ? Посадимъ гражданина Ленина на постъ военнаго министра...

— А кто же будетъ министромъ народнаго просвѣщенія?

— Тоже Ленинъ. И оберъ-прокуроромъ синода Ленинъ. И управляющимъ государственнымъ коннозаводствомъ Ленинъ. Не буржуя же Плеханова, или кадета Виктора Чернова сажать намъ на эти посты?

Манифестація расходилась по домамъ обдумывать о кандидатахъ для спѣшнаго замѣщенія министровъ.

Рис. Н. Радлова.

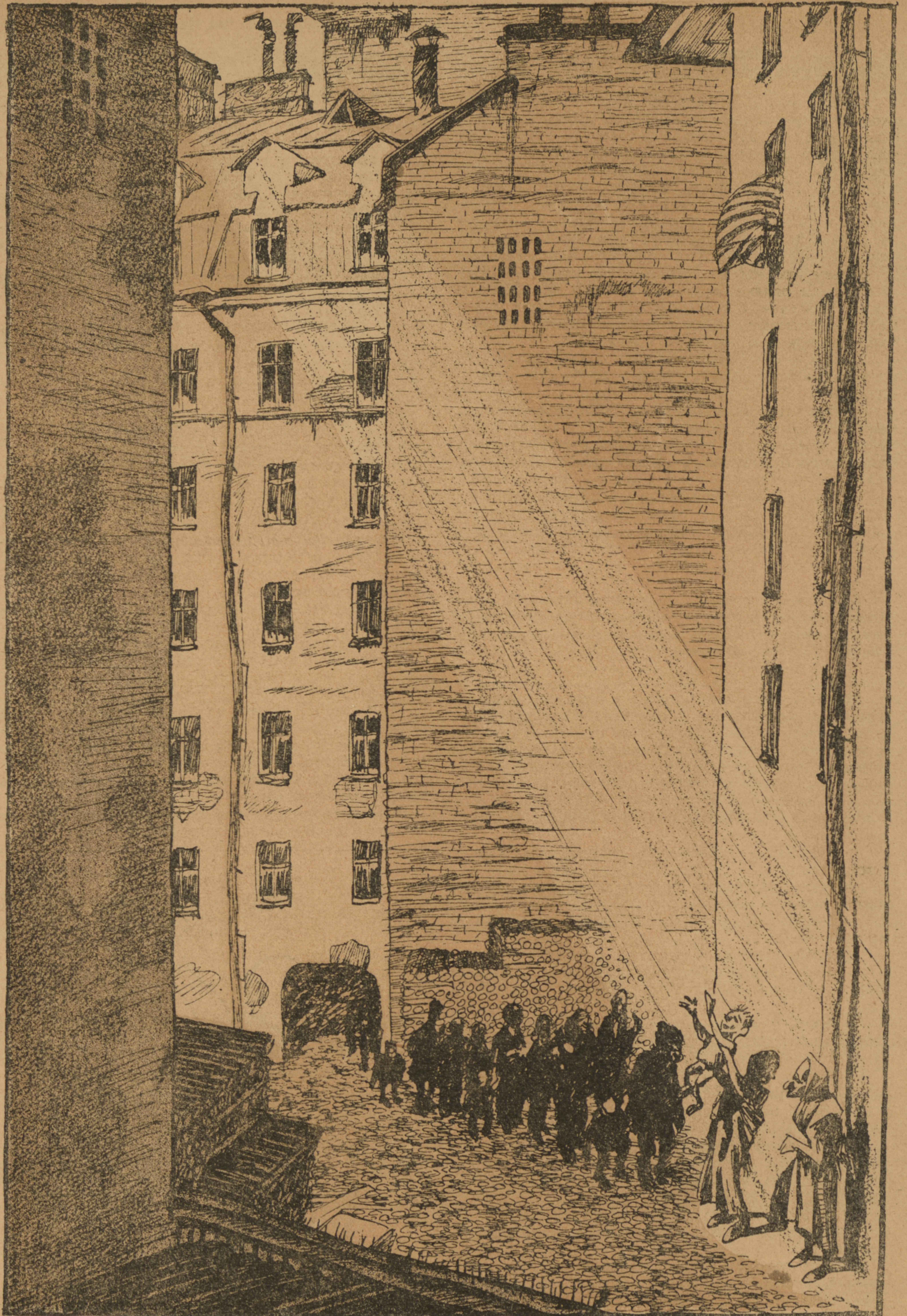

ТАМЕРЛАНЫ.

— Нѣтъ, извините... Теперь ужъ и я скажу, что миръ мы подпишемъ только у стѣны Берлина!

— Чего вы кричите?! У меня тоже бѣлый билетъ.

„Въ этомъ году несостоятельнымъ жителямъ
Петрограда нечего и думать о дачахъ“.

(Изъ газетъ.)

— Разрѣшите моему ребенку внѣ очереди... Кажется, на это еще не надо специальныхъ карточекъ?..

ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ РАЗСКАЗЪ ОБЪ ОДНОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

Рис. А. Радакова.

Онъ никогда не смущался. Говорилъ на митингахъ о давящемъ самодержавіи, и глаза его горѣли смѣлостью и рѣшительностью. А вѣдь ему угрожала высылка.

Онъ не смущался — и какъ бичемъ хлестала враговъ народа его рѣчь, — когда призывалъ онъ къ вооруженному возстанію противъ тираніи. А ему грозила каторга!!!

Онъ не смущался и былъ благороденъ и смѣлъ даже въ тотъ моментъ, когда объявили, что три послѣднихъ террористическихъ акта — организованы имъ. А ему грозила смертная казнь!!!

И единственный разъ только смутился этотъ человекъ, — когда увидѣлъ въ газетѣ извѣщеніе, что завтра будетъ опубликованъ полный списокъ провокаторовъ. „Ну зачѣмъ же полный, — хмуро заявилъ этотъ отважный человекъ, — кому нужны эти излишества?!.“

Когда я встрѣчалъ манифестацію съ плакатами: «Долой Ленина», я и ей дѣлалъ рядъ очередныхъ предложеній.

— Долой? Ну, конечно, долой! Смѣетъ возставать противъ войны! Вотъ Левъ Толстой умеръ, а то бы и его долой — тоже возставалъ противъ бойни... Знаемъ мы, зачѣмъ его нѣмцы пропустили, — чтобы миръ проповѣдывалъ... Они это любятъ. Своего Либкнехта даже въ тюрьму за это посадили. Очень любятъ. Идемъ прямо къ Ленину и объявимъ: на основаніи, молъ, свободы слова объявляемъ васъ арестованнымъ. Такъ что ли, граждане?..

Я никогда не чувствовалъ себя пулеметомъ, но я разсѣивалъ манифестаціи значительно успѣшнѣе, чѣмъ эта веселая машинка, — послѣдній крикъ моды стараго режима...

Населеніе моего района искренно благодарило меня, а манифестаціи сократились до минимума. Помню, когда я проходилъ мимо одной манифестаціи биржевиковъ съ плакатами: «Подписывайтесь на военный заемъ», манифестація круто повернула на другую улицу, а кто-то изъ нея показалъ на меня пальцемъ и сердито замѣтилъ:

— Я этого человѣка знаю. Сначала онъ прочтетъ плакатъ, а потомъ принесетъ столикъ, сядетъ и начнетъ собирать деньги.

— Ну и что же?

— Хорошенькій вопросъ! Это, можетъ быть, вы двадцатью дѣлами можете сразу заниматься, а съ меня и одного хожденія съ плакатомъ довольно. Пусть другіе покупаютъ.

Арк. Буховъ.

КОРОВА ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Намъ попалъ въ руки настолько любопытный, настолько интересный документъ, что мы публикуемъ его безо всякихъ измѣненій и сокращеній.

Этотъ документъ самымъ яркимъ образомъ показываетъ, какъ сложна, какъ запутана была жизнь семьи Романовыхъ.

Кажется, — что можетъ быть проще: захотѣлъ человѣкъ подарить вамъ, читатель, корову. За чѣмъ остановка? Да ни за чѣмъ:

— Слушайте, милый другъ... Дарю вамъ корову, получите.

— Спасибо, любезный другъ. Постараюсь и я быть чѣмъ-нибудь полезень.

— Ну, какіе пустяки! Я всегда радъ... Имѣю честь кланяться.

Вотъ и вся процедура.

А вотъ, что происходило, когда человѣку взбрело въ голову преподнести корову «августѣйшимъ дочерямъ».

Письмо графа Ростовцева, адресованное знаменитому доктору А. И. Дубровину:

завѣдывающій

дѣлами

Ея Величества

Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ТЕОДОРОВНЫ

СЕКРЕТАРЬ

Ея Величества

и

управляющій дѣлами

АВГУСТѢЙШИХЪ ДѢТЕЙ

Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Его Высочородію

А. И. Дубровину.

7-го апрѣля 1909 г.

№ 3113.

С.-Петербургъ.

Зимній Дворецъ.

Милостивый государь

Александръ Ивановичъ,

Ея Величество Государыня Императрица Александра Теодоровна, по всеподданѣйшемъ докладѣ мною ходатайства Вашего о разрѣшеніи членамъ Ярославскаго Отдѣла Союза Русскаго Народа доставить для Августѣйшихъ дочерей Ихъ Величествъ корову, повелѣтъ соизволила искренне благодарить отъ Имени Ея Величества членовъ названнаго отдѣла за намѣреніе ихъ доставить для Ихъ Императорскихъ Высочествъ корову, каковую ея Величеству благоугодно милостиво принять.

О такомъ Государыни Императрицы повелѣніи имѣю честь покорнѣйше просить Васъ объявить членамъ названнаго отдѣла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь увѣдомить Васъ, что, какъ это было и съ коровой, приведенной въ минувшемъ году Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, надлежитъ предварительно доставленія коровы по Высокому назначенію произвести подробное ветеринарное освидѣтельствованіе коровы и результаты этого освидѣтельствованія и изслѣдованія сообщить Начальнику Царскосельскаго Дворцоваго Управленія Генералъ-Майору Пѣшкову, отъ котораго затѣмъ и будетъ получено извѣщеніе о времени и способѣ доставки коровы.

Предварительно отправки коровы имѣю честь покорнѣйше просить Васъ сообщить мнѣ и Генералъ-Майору Пѣшкову, кто именно будетъ сопровождать корову.

Покорнѣйше прошу васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

Графъ Ростовцевъ.

Думала ли невинная простодушная ярославская корова, что ея скромная особа вызоветъ такую суматоху.

Серьезный пожилой человѣкъ графскаго рода, съ цѣлымъ хвостомъ должностей, пишетъ серьезному пожилому доктору длиннѣйшее письмо, въ которомъ каждое слово — перлъ безпардоннаго, безудержнаго, бѣшеннаго юмора.

Все прекрасно въ этомъ пышномъ документѣ.

И изящная свѣтская изобрѣтательность ярославскихъ членовъ союза р. н., рѣшившихъ, что самый умѣстный и элегантный подарокъ молодымъ барышнямъ — ярославская корова; и «всеподданѣйшій по поводу коровы докладъ»; и «доставленіе коровы по Высокому назначенію...» Такъ шаркался бѣдный графъ Ростовцевъ, что только-только корову не назвалъ «Ея Высочествомъ». И какимъ образомъ ее доставятъ (вѣроятно, въ купѣ перваго класса), и здорова ли она, и кто именно будетъ ее сопровождать, и не зараженъ ли сопровождающій какими-либо тлетворными тенденціями — во все вникнуто съ тщательностью министра иностранныхъ дѣлъ, отправляющаго новаго посла въ дружественную державу...

Боже ты мой, чѣмъ только люди занимались...

МЕДУЗА.

Руно зеленое камней
Въ водѣ спокойной недвижимо,
Живой цвѣтокъ — медуза въ ней,
Всплывая, зыблется чуть зримо.

Ея прозрачные края
Мой взглядъ притягиваютъ странно.
Вотъ бытіе — безъ бытія
И вотъ когда пропѣтъ «Осанна».

Дивлюсь — не плюнулъ ли Творецъ,
И стала жить слюна Господня?
И я, не вѣрившій пѣвецъ,
Всю мощь Его позналъ сегодня.

Что намъ открыто въ рунахъ звѣздъ?
Что подъ землей, въ морской пучинѣ?
Людскихъ не больше ль въ мірѣ гнѣздъ,
Чѣмъ въ долахъ травъ, песчинъ въ пустынѣ.

И гдѣ медуза, и гдѣ я?
Не все ль едино въ вѣчномъ хорѣ,
И не древнѣй ли жизнь моя,
Чѣмъ эти скалы, это море?

О сжался, Боже, надо мной
И разрѣши незнанья узы, —
Иль отыми весь разумъ мой
И дай — спокойствіе медузы!!

Александръ Рославлевъ.

М О Н А Р Х И С Т Ъ.

Телеграфистъ Ванинъ праздновалъ первое мая. Болтался цѣлый день по улицамъ, кричалъ «ура», кричалъ «дойлой», ѣлъ на Сѣнной жареные въ салѣ пирожки, пѣлъ «Марсельезу» и только къ вечеру, изнеможенный и пьяный отъ весны, радости и свободы, уговорилъ себя вернуться домой. Долгъ гостеприимнаго хозяина заставлялъ его навѣдаться, что подѣлываетъ Хацкинъ.

Хацкинъ послѣднее время беспокоилъ Ванина. Почему Хацкинъ сталъ такой угрюмый? Цѣлый день сидитъ, молчитъ и только ногой трясетъ, такъ, что на комодѣ графинъ звякаетъ.

Приѣхалъ Хацкинъ изъ мѣстечка Либеровичи хлопотать о дѣлахъ, а кстади купить новые сапоги. Хлопоталъ, суетился, волновался, бѣгалъ въ участокъ, стоялъ въ хвостѣ у «Скорохода» и давалъ взятки дворнику. Потомъ хлынула широкая волна революціи, смыла всѣ хацкинскія начинанія, а его самого оставила на мели.

Сначала Хацкинъ радовался, удивлялся, прохаживался мимо дворника съ самымъ безпечнымъ и легкомысленнымъ видомъ, нарочно, чтобы тому тошно было. А потомъ вдругъ сталъ задумываться и завяль.

Расшевелить бы его какъ-нибудь, да все некогда было.

Ванинъ поднялся по узенькой черной лѣстницѣ. Дверь его каморки была приоткрыта, значитъ Хацкинъ дома.

Да, Хацкинъ былъ дома. Онъ стоялъ въ туманѣ осѣвшего сизыми пластами папироснаго дыма, смотрѣлъ въ окно и трясъ ногой, такъ что на комодѣ тихо позвякивалъ стаканъ, надѣтый на графинъ вмѣсто пробки.

— Хацкинъ! — промко и весело крикнулъ Ванинъ и самъ почувствовалъ, какъ голосъ этотъ не идетъ къ тихому сизому дыму, къ печальному звяканью стакана, къ унылой фигурѣ съ большими мягкими ушами, висящими съ двухъ сторонъ узкаго затылка.

— Хацкинъ! — повторилъ Ванинъ уже тихо и медленно. — Чего вы такой? А?

Хацкинъ не оборочивался.

— А? Дѣло не ладится? Подождите, все устроится. Вы бы хоть прогулялись. На улицѣ-то какъ весело. Праздникъ.

Хацкинъ нервно дернулъ плечомъ.

— Садитесь, Хацкинъ, чаю попьемъ.

Хацкинъ повернулся.

— Знаете, Ванинъ, долженъ я вамъ сказать прямо, чтобы вы тоже прямо знали, съ кѣмъ имѣете дѣло.

— Да что вы, Хацкинъ! Я же васъ еще по школь знаю! Чего вы рекомендоваться вдругъ вздумали?

Хацкинъ подошелъ къ столу, рѣшительно опустился на стулъ, закинулъ ногу на ногу и заложилъ руку за бортъ пиджака.

— Слушайте и знайте, — сказалъ онъ. — Я — монархистъ.

— Какъ-съ? — испуганно квакнулъ Ванинъ.

— Мо-нар-хистъ!

Онъ пошевелилъ пальцами въ дырявомъ сапогѣ такъ, что дыра на немъ на минуту раздвинулась и позволила увидѣть носокъ неизъяснимо-бураго оттѣнка.

— Господи, что это такое? — заерзалъ на стулѣ Ванинъ. — Какъ же это вы такъ-то? Ничего не понимаю.

Хацкинъ скривилъ ротъ въ ѣдкую усмѣшку.

— Такъ оказалось. Развѣ я самъ это зналъ? Что я о себѣ думалъ? Думалъ, что я такъ себѣ, обыкновенный паршивецъ, а я вотъ...

— Уфъфъ! Господи, ты Боже мой. Дай вы хоть объясните, а то я, извините меня, ничего не понимаю. Что же васъ въ старомъ стрѣ прельщаетъ? Вы же вдобавокъ и еврей, угнетенная нація.

Хацкинъ развелъ руками.

— А вотъ подите! Я вамъ скажу, только вы на меня не сердитесь: я очень люблю царственную пышность!

— Хацкинъ! Да опомнитесь! Ну, какую вы царственную пышность видали? Участокъ вы видали, а не пышность. Хацкинъ покачивалъ головой мечтательно и грустно.

— Людовикъ Четырнадцатый... мантия изъ чистѣйшаго горностая, носовой платокъ изъ чистѣйшей парчи и негръ даетъ чего-нибудь прохладительнаго. А всѣ кругомъ боятся... отъ страха даже глаза жмуряты, такъ имъ худо, чтобы онъ, упаси Боже, не убилъ кого!

— Чортъ знаетъ, что онъ говоритъ, — удивлялся Ванинъ. — Да какого вы Людовика видали?

Хацкинъ развелъ руками въ горькомъ недоумѣнии.

— Вотъ подите!

Оба выпучили другъ на друга глаза. Наконецъ Ванинъ сердито фыркнулъ и всталъ.

— Извините меня, Хацкинъ, но мнѣ въ настоящее время даже разговаривать съ вами неудобно. Вы приверженецъ стараго строя, и я долженъ отряхнуть вашъ прахъ съ моихъ ногъ.

— Что тамъ мой прахъ! — уныло усмѣхнулся Хацкинъ.

Рис. В. Лебедева.

РАЗУМНАЯ ПАНИКА.

— Въ чемъ дѣло? Почему такая паника?

— А это, видите-ли: милиционеръ ружье разсматриваетъ...

Пусть мой прахъ пропадаетъ. Я и не претендую, чтобы онъ находился на вашихъ ногахъ.

И онъ вздохнулъ такъ горько, что у Ванина даже возмущеніе погасло.

— Безумный вы человекъ, Хацкинъ! Мало васъ по участкамъ тиранили.

— А когда я люблю пышность!

— Какая у васъ тамъ въ Либеровичахъ пышность была. Я вотъ сколько лѣтъ въ столицѣ живу, а и то меня ни разу во дворецъ не пригласили. Видѣлъ разъ на набережной какой-то длинный офицеръ съ прыщомъ на носу прошелъ. Потомъ повсрилли, будто это великій князь да и то не навѣрное. А потомъ еще видѣлъ во снѣ старую государыню — пришла ко мнѣ чайку попить и сухарей принесла. И такая мнѣ потомъ въ этотъ день неприятность была, что до сихъ поръ помню. Вѣрнѣйшая, говорятъ, примѣта, какъ царскую фамилію во снѣ увидишь, такъ и жди скандала.

— Людовикъ Пятнадцатый! — тихо вздохнулъ Хацкинъ и покачалъ головой, точно вспомнилъ о дорогомъ покойникѣ.

— Теперь ужъ Пятнадцатый? Давеча скулили о Четырнадцатомъ. Въ номерахъ путаетесь! Сами не знаете, чего хотите! Хацкинъ! Ну, будьте благоразумны! Ну, какой Людовикъ васъ къ себѣ пуститъ, будь онъ хоть распродавцатый? Сапоги у васъ дрянные, правожительства по старому строю не имѣете. Да вы разговаривать то по-людовиковски не умѣете. Ужъ вы не обижайтесь!

— Пусть не умѣю!

— Значитъ, вамъ неприятно, что теперь воцарилась справедливость и одинъ классъ не будетъ угнетать другой? А? Неприятно?

Хацкинъ упрямо и горько молчалъ.

— Значитъ, вамъ неприятно? Ну, ладно, разъ вамъ не-

приятна справедливость, я вамъ могу предложить слѣдующій государственный строй; до сихъ поръ кучка капиталистовъ и прочихъ буржуевъ, пользуясь привилегированнымъ положеніемъ, угнетала народъ. Теперь я вамъ устрою наоборотъ: весь народъ (капиталисты и буржуи будутъ обезсилены, и жало изъ нихъ пасти будетъ выдернуто, такъ что они тоже примкнутъ къ народу) — итакъ, весь народъ будетъ пользоваться привилегіями и угнетать только одного человека — васъ, Хацкинъ. Вы одинъ будете угнетаемъ, потому, что вы одинъ не желаете справедливости на землѣ. Хотите такъ?

Ванинъ остановился въ снисходительно-выжидательной позѣ, и ясно было, что онъ ждалъ только отвѣта Хацкина, чтобы моментально и безповоротно установить разъ навсегда государственную форму Россіи.

Хацкинъ понялъ это. Печальное лицо его приняло выраженіе растерянное и жалкое.

— Я знаю, Ванинъ, я, можетъ быть, всецѣло въ вашей власти. Пусть такъ.

И вздохнувъ, прибавилъ, уныло, но твердо.

— А когда я люблю пышность!

Ванинъ молча взялъ фуражку и направился къ выходу. У дверей онъ обернулся.

Хацкинъ смотрѣлъ на него съ безнадежнымъ отчаяніемъ и трясъ ногой. Тихо звенѣлъ графинъ на комодѣ.

Тэффи.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Въ виду увеличенія типографскимъ служащимъ и рабочимъ платы за работу — цѣна за журналъ „Нов. Сатириконъ“ соотвѣтственно увеличена.

Рис. В. Лебедева.

БЫВШИМЪ МИНИСТРАМЪ РАЗРѢШИЛИ РАБОТАТЬ НА ОГОРОДЪ...

— Что это вы, товарищъ Протопоповъ, дѣлаете тамъ?

— Да такъ, старину вспомнилъ: вѣшаю кое-что. А вы, товарищъ Щегловитовъ?

— Тоже по своей специальности: головки отрѣзываю.

ЧЕГО МОНАШИ НЕ ПРИЕМЛЮТЪ

Рис. А. Радакова.

„Какъ и слѣдовало ожидать, монахи возстали противъ конфискаціи монастырскихъ земель.“
(Изъ газетъ.)

— Ахъ, зачѣмъ эти лучи свободы въ щедрости своей освѣтили не только наши смиренныя души, но и наши смиренныя сундуки...

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Въ городѣ и свѣтѣ.

Оказывается, есть и такіе митинги, гдѣ демократическое слово:

— „Товарищъ“ замѣняется болѣе легкимъ и благозвучнымъ:

— „Па-асюшь-те“...

На Каменноостровскомъ, въ пятницу, состоялся летучій большой митингъ, на которомъ выступали представители недавней придворной аристократіи: графъ Шереметьевъ, полковникъ Пистелькоръ, б. гофмейстеръ кн. Ряполовскій. Публика состояла наполовину изъ рабочихъ. Кн. Ряполовскій горячо спорилъ съ большевиками. Аристократы-ораторы выступали также на Царскосельскомъ вокзалѣ, гдѣ крупный успѣхъ имѣлъ графъ Ниродъ.

И все же нужно только радоваться, что аристократія научилась спорить съ большевиками вплотную, а не черезъ охранное отдѣленіе. Приятно хоть разъ прочесть въ газетномъ отдѣлѣ „Въ обществѣ и свѣтѣ“, что „среди присутствующихъ на пышномъ митингѣ нами замѣчены колпинецъ Егоръ Поддуваловъ и товарищъ б. гофмейстеръ графъ Дудинъ“...

Судьба играетъ человѣкомъ.

Единственный человѣкъ, о которомъ еще при старомъ режимѣ сказано, что у него „министерская голова“, былъ пріятель Вѣры Чеберякъ по бейлисовскому процессу — Борисъ Рудзинскій. Но одновременно съ крахомъ официальныхъ министерскихъ головъ прежней Россіи, опустилась и неофициальная министерская голова въ Кіевѣ:

Произведенной облавой задержано много темныхъ личностей, воровъ и преступниковъ, въ томъ числѣ бѣжавшій съ каторги одинъ изъ героевъ чебырячкиной „малины“ (притона), Борисъ Рудзинскій, участникъ процесса Бейлиса.

При Рудзинскомъ найдены оружіе и воровскіе инструменты.

— Вотъ тебѣ и свобода слова, — обиженно вздохнулъ Рудзинскій.

— При чемъ же тутъ свобода слова? — спросили его арестовавшіе.

— Конечно, не при чемъ, а кому охота въ тюрьму садиться? Вотъ тебѣ, бабушка, и новый строй!..

Семейное дѣло.

Въ Петроградѣ, по крайней мѣрѣ, Временное Правительство заставляютъ давать быстрые отвѣты, съ ручательствомъ на два года, какъ при покупкѣ карманныхъ часовъ, — по дѣламъ общественнаго характера, а провинція изловчилась и начинаетъ вмѣшиваться въ семейныя дѣла. Такъ въ Самарѣ:

Собраніе мусульманокъ постановило просить Временное Правительство издать законъ о воспрещеніи магометанамъ имѣть по нѣскольку женъ.

Повидимому, въ Самарѣ продовольственный вопросъ обстоитъ блестяще, иначе сами многоженцы подняли бы этотъ вопросъ.

Весельчаки.

Одна американская газета такъ описываетъ войну:

Мы стоимъ теперь передъ парадоксальнымъ положеніемъ вещей: китъ борется на сушѣ, слонъ — на морѣ. Германия утрачиваетъ господство въ своей родной стихіи, мы теряемъ власть надъ нашею.

Борьба вообще интересный спортъ. Только въ томъ случаѣ онъ становится менѣе привлекательнымъ, если на обѣ лопатки кладется не борецъ, а посторонній зритель.

8

30.

Обращаемъ вниманіе московскихъ фельетонистовъ на новую тему для лѣтнихъ фельетоновъ о дачникахъ:

Съ 1 мая москвичи начнутъ выѣзжать на дачи. Выѣдетъ ихъ до 30.000 человѣкъ. Заботу о продовольствіи дачниковъ приходится взять на себя городскому продовольственному комитету, такъ какъ губернской комитетъ заявилъ, что можетъ выдавать дачникамъ лишь 8-фунтовой паекъ хлѣба въ мѣсяцъ на человѣка.

И дачники будутъ очень довольны:

— Такой бы фельетонъ года три тому назадъ почитать, послѣ обѣда... Очень, очень смѣшно.

Для памяти.

„Сатириконтъ“ по своему добродушію вѣритъ всему. Даже аресту послѣдняго номера въ Одессѣ, несмотря на то, что сейчасъ отвѣтственность только по суду. Но вотъ — телеграммамъ, которыя были найдены среди бумагъ бывшей императрицы, даже мы не можемъ вѣрить.

Оказывается, что

телеграммы посылались б. императрицей по условному адресу, о которомъ у изслѣдователей переписки составилось два предположенія. По мнѣнію однихъ, мѣстожителство Розенталя находится недалеко отъ Гельсингфорса, по мнѣнію другихъ — подъ этимъ условнымъ адресомъ скрывается мѣстечко близъ Кенигсберга, въ Германіи.

А содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ такое:

„Розенталю. Глухочи. № 16937.

Находятъ страннымъ старика. Боюсь недоразумѣній. Постарайтесь заглазить первую ошибку. Вышлите въ доказательство всѣ документы.

Романова*.

„Романовой. Петроградъ. Зимпалась. № 1585.

Спасены. Синихъ благодаримъ. Возьмите старика. Полезно. Надо время уѣхать. Тишина необходима.

Розенталь*.

Телеграмма б. императрицы датирована 13 іюня 1916 г. 21 ч. 30 м. № 57781.

„Розенталю. Глухочи.

12.200 пудовъ дровъ на лѣвую постройку — на правую постройку даетъ возможность взять 7573 пудовъ краснаго. Средній очень слабъ. Можно начинать.

Романова*.

Коммерсанты говорятъ, что вексель силенъ своей подписью. Если бы подъ этими телеграммами стояла другая подпись, мы махнули бы рукой, но шифрованные телеграммы г. Розенталю за подписью Романова — право же надъ этимъ стоитъ задуматься...

Рис. В. Лебедева.

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ПОЛЕЗЕНЪ.

— Вы что же, Прокофьевъ, тоже въ демонстраціи участіе принимали?

— А какъ же? Они меня, вмѣсто плаката: „Въ городѣ нѣтъ продовольствія“, впереди носятъ. Какъ-то нагляднѣе выходитъ...

Послужной списокъ.

Можетъ быть, теперешнее республиканское „Новое Время“ будетъ составлять исторію своего развитія и существованія — такъ на этотъ случай пусть оно припомнитъ и такой случай, недавно опубликованный одной газетой:

Какъ-то, въ день открытія скачекъ въ Петроградѣ, пріѣхалъ Александръ III съ Маріей Феодоровной и Ксеніей Александровной. Царская ложа помѣщалась во второмъ ярусѣ. Во время одного изъ антрактовъ Александръ III, въ сопровожденіи мин. двора гр. И. И. Воронцова-Дашкова, спустился изъ своей ложи внизъ и увидѣлъ, что въ комнатѣ, черезъ которую ему надо было проходить, двое какихъ-то штатскихъ что-то пишутъ; царь остановился и спросилъ у Воронцова-Дашкова:

— Что это за люди?

Тотъ объяснилъ царю, что это сотрудники газетъ пишутъ отчеты о скачкахъ.

— А кто отъ „Новаго Времени“?

Впередъ вышелъ сотрудникъ „Новаго Времени“ М. И. Пыляевъ и отрекомендовался.

— Очень хорошо. Прекрасная газета, — сказалъ царь.

Затѣмъ отрекомендовался сотрудникъ газеты „Новости“ Я. А. Харламовъ.

Царь нахмурился.

— „Новости“? Это еврейская газета? — спросилъ онъ, обращаясь къ Воронцову-Дашкову, и затѣмъ, не сказавъ ни слова, повернулся и ушелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ придворные лакеи принесли внизъ изъ царской ложи чай съ печеньемъ и поставили на столъ одинъ приборъ.

— Приказано для „Новаго Времени“, — объявили лакеи.

Бѣднаго сотрудника „Новостей“ царь оставилъ безъ чая. Съ того дня, въ продолженіе всего скакового сезона, въ репортерской комнатѣ дежурили два охранника, которые особенно зорко слѣдили за сотрудникомъ „еврейской“ газеты „Новости“.

Всегда съ этого начиналось. Сначала придворные лакеи чай принесутъ, потомъ бутербротъ, а потомъ Манасевичъ-Мануйловъ сотрудничать начнетъ.

ВСЕЛЕНСКОЕ.

Малое — чье? Или великое — чье?

Ни малаго, ни великаго, а все — нужно.

Рубить избы бородатое мужичье,

Дубы щербатые валить натужно.

Роешь глину, обжигаетъ кирпичъ,

Ставить въ углахъ столѣтнія печи,

Ничего въ рукахъ, топоровъ опричь;

Помощь — одна: пологія плечи.

Прячетъ скопидомъ доброе въ клѣтъ,

Полосуетъ спину кобылы рыжей,

Что ее, кобылу, жалѣть,

Коли самъ подъ погоду мается съ прыжей.

Грѣшень мужикъ, да нехитрый попь,

Крѣпко за темной стоитъ деревней,

Молится за великій сермяжный скопъ

На глухомъ погостѣ, въ часовнѣ древней.

Хмурь мужикъ, да на добрый смѣхъ

Отъ поры до поры оскалить зубы:

Гармонистъ Серега распутнѣй всѣхъ,

А Серегины пѣсни — сердцу любви.

Жадень мужикъ, да чорту въ пасть

Душу не тиснетъ — въ крѣпкой оградѣ:

Не дастъ бородатому въ конецъ пропасть

Вася, юродивый Христа ради...

Сегодня короткій сапожный ножъ

На сосѣда хозяинъ ладитъ въ злобѣ,

А завтра Васѣ подъ ноги — грошъ,

И вотъ воскресъ сущій во гробѣ.

Малое — чье? Великое — чье?

Кто распознаетъ? Какой-такой знахарь?

Править работу міръ-мужичье:

Купецъ и работникъ, прасоль и пахарь...

У черныхъ ли машинъ въ аду-городу,

Тамъ ли, гдѣ все еще никнутъ вязы —

Каждый у солнца въ обѣдъ на виду,

Каждому солнцу посмотреть въ глаза...

Молитвы и золото, пѣсни и рожь —

Все въ магазю поидетъ едину;

Каждый въ дѣлѣ артельномъ гождъ,

Все мужику, все ему — господину...

Люди сойдутся на вселенскій дуванъ,

Въ надобный часъ прокликаетъ кочетъ,

Каждый будетъ и дорогъ и званъ,

Каждый возьметъ себѣ все, что захочетъ...

Вкругъ магазей, при свѣтѣ зари
Міръ соберется, міръ — такъ ужъ весь онъ,
Знай себѣ пригорстью щедрой бери
Золота, хлѣба, молитвы и пѣсенъ.

Валентинъ Горянский.

МОЕ САМООПРЕДѢЛЕНІЕ.

Автобіографическій фельетонъ Арк. Аверченко.

Всѣ прочіе какъ хотятъ: могутъ самоопредѣляться, могутъ не самоопредѣляться — ихъ дѣло.

А я лично рѣшилъ самоопредѣлиться.

Довольно этой неопредѣленности! Очень тяжело, когда самъ не знаешь, кто ты такой? Не такое нынче время, ха-ха.

Самоопредѣленіе мое поидетъ по опредѣленному руслу и въ одной только плоскости: буржуй я или не буржуй?

* * *

Съ чего начались мои сомнѣнія?

Вотъ:

Недавно, на митингѣ, когда я произнесъ блестящую и глубокопрочувствованную рѣчь въ защиту Временнаго Правительства, одинъ пражданинъ, въ зеленомъ довольно легкомысленномъ для его возраста пиджакѣ, клѣтчатою кепкѣ и узкихъ штанахъ, увѣренно сказалъ, поведя широкимъ ноздристымъ носомъ:

— Буржуй разговариваетъ.

Странное чувство овладѣло мною, когда я услышалъ такое опредѣленіе.

Вѣроятно, такое же чувство овладѣваетъ страусомъ, беззаботно бѣгавшимъ по безлюднымъ африканскимъ пустынямъ, когда онъ впервые съ разбѣга налетѣлъ на чело-вѣка, и тотъ увѣренно замѣтилъ вслухъ:

— Ба! Да! это страусъ.

Всю жизнь прожилъ беззаботный вольный страусъ и не зналъ, что его имя страусъ. А пришелъ охотникъ, и сразу открылъ ему глаза и сразу наклеилъ ярлыкъ:

— Ты — страусъ.

И вотъ, услышавъ свое настоящее имя, бредеть страусъ, уже потупивъ голову, опустивъ хвостъ, и элегически думаетъ:

«Ну, вотъ, и оказывается, что я — страусъ. Хорошо это или дурно? Позорно быть страусомъ, или я тоже имѣю право на свое мѣстечко подъ солнцемъ?»

Бродитъ онъ по африканской живописной пустынѣ, но беззаботность уже покинула его, уже онъ сталъ задумчивъ, уже самокритика стала заѣдать его:

— Страусъ я, оказывается... Ком-ми-с-сія!

Почти такое же ощущение овладѣло и мною, когда я впервые услышалъ отъ зелено-пиджачнаго гражданина увѣренное:

— Буржуй!

Страуса узнаютъ по росту, по длинной змѣиной шеѣ, по маленькой головѣ, по перьямъ на хвостѣ, по огромнымъ крѣпкимъ лапамъ. Тысяча характерныхъ признаковъ.

По какимъ же признакамъ опредѣлили меня?

Я кое-какъ скомкалъ свою рѣчь, спрыгнулъ со скамейки, служившей трибуной, и, отвѣдя въ сторону зеленого господина, тихо спросилъ его:

— Это вы кого же — меня назвали буржумъ?

— Обязательно.

— За что?

— Крахмаль.

Мы оба недоумѣнно поглядѣли другъ на друга.

— Крахмаль, вы говорите?

— Обязательно.

— Какой крахмаль?

— Рубашка, тово. Крахмалэ, какъ говорится. Хи-хи.

— Только и всего?

— Очки тоже.

— Это пенснэ. Да и что въ немъ дурного? Наоборотъ: безъ него я ничего не вижу и могу вамъ же наступить на ногу или толкнуть.

— Попробуй.

— Я говорю лишь предположительно.

Стоя другъ противъ друга, мы погрузились въ печальную задумчивость.

— Такъ буржуй я?

ГОРОДСКАЯ ВЕСНА.

Подъ каменной пятой домовъ,
Подъ каменной пятой домовъ пяти-этажныхъ.
Дыханіемъ полей весенне-влажныхъ,
Ты не вздохнешь, земля, тяжелый ихъ покровъ
Не сбросишь, не надѣнешь нѣжный
Зеленый плащъ луговъ.
О, драгоценные куски святой земли,
Убитые домовъ тяжелымъ грузомъ,
Не скажетъ вамъ весна, соединясь союзомъ:

Не заключай лучей въ тяжелый плѣнь
Дворовъ, колодцевъ и угрюмыхъ стѣнъ.

«Моей любви внимли!» —
И гомонъ птицъ и рокотъ вешнихъ водъ,
Святая музыка весеннихъ ликований
Погибнетъ въ городѣ средь мрачныхъ завываній
Гудковъ фабричныхъ, грохота колесъ...
О, ты весна! на грязный тротуаръ
Ты не бросай душистыя фіалки,
И радостныхъ лучей веселый даръ,
Не расточай подъ сумрачныя арки.

А. Радаковъ.

— Буржуй.

— Что жь мнѣ теперь дѣлать?

Онъ былъ нѣсколько озадаченъ.

— Что дѣлать? Ничего. Довольно уже надѣлали. Довольно попили нашей крови!

Сколько я ни напрягалъ своей памяти, никакъ не могъ вспомнить такого эпизода въ своей жизни, чтобы пришлось утолить жажду кровью зеленаго гражданина или кого другого въ этомъ родѣ. Въ этомъ отношеніи я былъ невиненъ, какъ годовалое дитя.

Попытался робко оправдаться:

— Это не я. Я не пилъ вашей крови. Это кто-нибудь другой.

— Всѣ вы хороши. Деньги есть?

— Есть. Въ банкѣ. Двадцать тысячъ.

— Надо отдать народу.

— У меня и квартира еще есть въ четыре комнаты; мебель тоже; контрактъ на три года.

— Надо отдать трудящимся.

— А самъ я гдѣ же буду жить?

— Гдѣ?.. Гм! Ну, квартиры не надо. Отдай только деньги.

— Позвольте! Это я самъ заработалъ. Какъ же отдамъ все. Съ какой стати?

— Долой капитализмъ!

— Да позвольте, мой зелено-пиджачный другъ! Великъ ли мой капиталъ — двадцать тысячъ! Да вѣдь теперь рабочій зарабатываетъ пятьсотъ-восемьсотъ рублей въ мѣсяцъ! Вѣдь онъ тоже капиталистъ!

Онъ критически усмѣхнулся.

— Скажете тоже! То какіе-то восемьсотъ рублей, а то — двадцать тысячъ. Насосались вы, я вижу, нашей кровушки.

— А чтобъ васъ чортъ побралъ! — вышелъ вдругъ я изъ береговъ. — Маковой росинки у меня вашей крови во рту не было!! Я писатель!! Слышала? Журналистъ! Поняли? Написалъ строчку — получилъ полтинникъ, написалъ двѣ — получилъ рубль. Чью же я кровь сосалъ, тупая вы зеленая ящерица! Пятьсотъ строкъ въ недѣлю, девять лѣтъ работы — экономія двадцать тысячъ! Поняли вы это, зеленый смородиновый кустъ!?

— Я попросилъ бы васъ на меня не кричать Буржуй несчастный!

— Тьфу!!

Мы разлетѣлись въ разныя стороны, будто бы между нами разорвалась ручная граната. У меня есть нѣкоторыя основанія предполагать, что онъ остался мною недоволенъ.

Я имъ — тоже.

Шелъ я домой опечаленный, угрюмо думающій:

«Откуда выползли эти травяного цвѣта граждане, для которыхъ обидѣть человѣка тяжкимъ произвищемъ «буржуй» такъ же легко, какъ выкурить папиросу. Какое они имѣютъ право?»

Вотъ я пришелъ домой, сталъ передъ зеркаломъ и впился глазами въ свою фигуру, въ свое лицо:

— Ну, вотъ онъ я. Вотъ я, беззаботная вольная птица, впервые узнавшая, что я не просто птица, а — страусъ. И перо мое — мое страусовое перо по полтиннику за строчку — хотя и цѣнится, но оно идетъ на потребу и нужды буржуевъ и самъ я поэтому буржуй.

Чортъ меня возьми, когда же я имъ сдѣлался? Вѣдь эти анаѳемскія двадцать тысячъ не сразу же у меня появились, а постепенно. И былъ ли я буржуйемъ, когда, бросивъ шестидесятирублевое мѣсто на Брянскомъ рудникѣ, пріѣхалъ въ Петроградъ девять лѣтъ тому назадъ съ одиннадцатю рублями въ карманѣ?

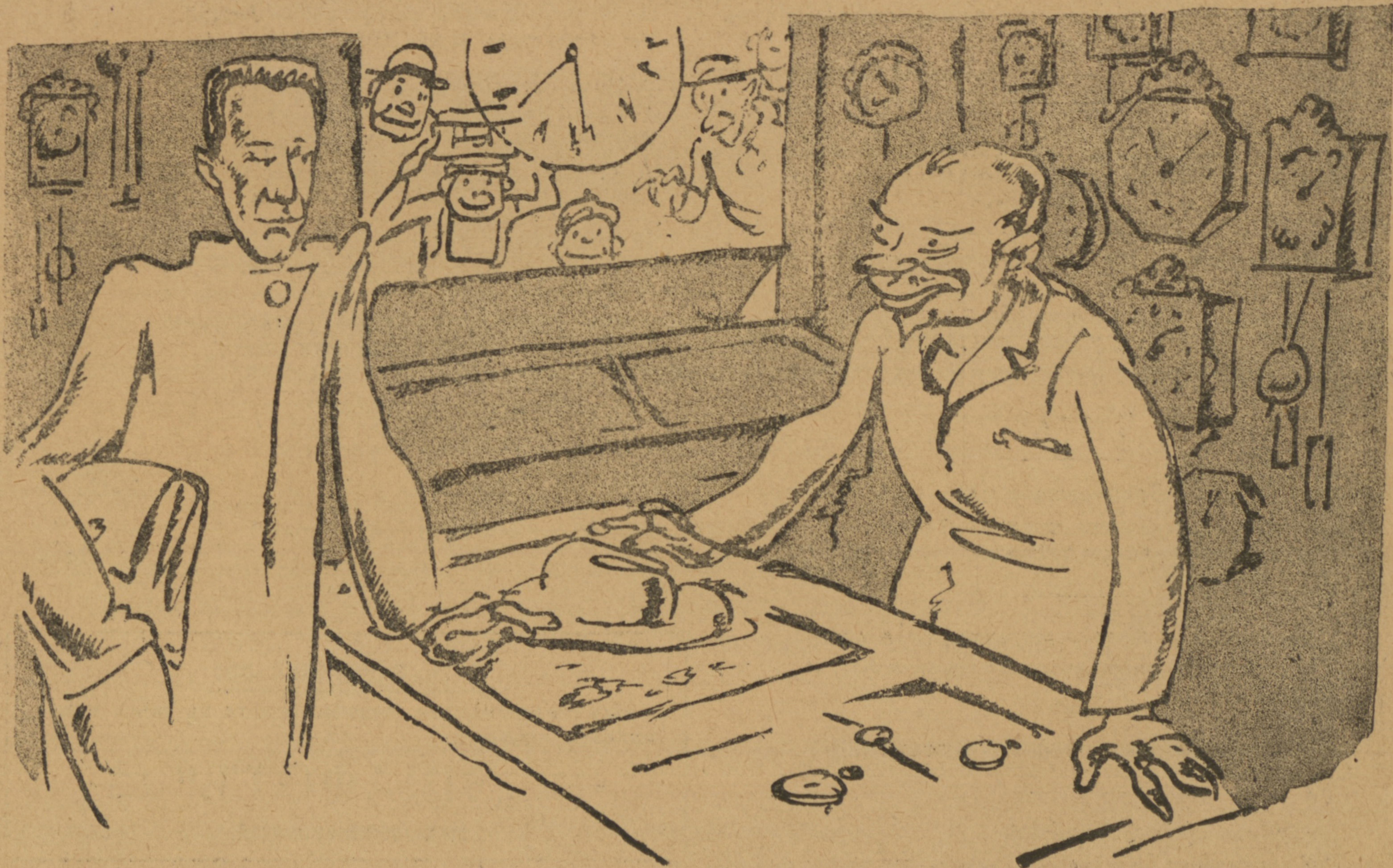
Неужели, эти проклятые «одиннадцать» погубили меня, запали мнѣ въ карманъ тѣмъ крохотнымъ буржуазнымъ сѣменемъ, изъ котораго выползъ ростокъ и разрослось огромное двадцати тысячное буржуазное дерево.

Когда зелено-пиджачный господинъ держалъ до меня на митингѣ рѣчь, онъ говорилъ:

— Товарищи! Капиталистовъ не должно быть! Всѣ должны быть равны! Не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. А для этого отнимайте деньги у богатыхъ и передавайте ихъ тѣмъ, у кого ничего нѣтъ!..

О, мой зелено-пиджачный другъ! Гдѣ ты — ау! Вотъ я — капиталистъ! Приходи ко мнѣ и заведи у меня всѣ мои деньги, выгони изъ квартиры, сними съ меня «крахмалъ», какъ ты назвалъ мою сорочку отъ Друса, и пусти

Рис. Н. Радлова.

ВРЕМЯ — НЕ ТОЛЬКО ДЕНЬГИ.

Керенскій: — Нѣтъ ли у васъ часовъ съ какимъ-нибудь тридцатичасовымъ что ли циферблатомъ. По нынѣшнему времени, да по моему министерству — съ двадцатю четырьмя часами не обойдешься... Не хватаетъ!

меня на улицу въ одномъ пиджачишкѣ, хотя бы того же травяного цвѣта.

Ты думаешь — я потеряюсь? О, нѣтъ, моя милая проворная ящерица!

Я сейчасъ же побреду въ редакцію любого приличнаго журнала и попрошу десятокъ листовъ бумаги и уголокъ стола въ редакціонной комнатѣ, и черезъ три часа вручу редактору журнала рассказъ и получу за него двѣсти рублей и снова найду себѣ комнату, куплю у Друса новую крахмальную рубашку, а черезъ три дня у меня уже снова будетъ хорошее драповое пальто, и котелокъ, и пенснэ, и палка съ серебрянымъ набалдашникомъ, а черезъ мѣсяцъ я тебя, зеленый другъ мой, снова могу принять въ своей новой уютно обставленной квартирѣ, а черезъ годъ — я тебѣ снова покажу довольно симпатичную на твой глазъ чековую книжку...

И что же? Снова, значитъ, я сдѣлался буржуемъ? Снова ты, о зеленый другъ мой, раздѣнешь меня, ютберешь деньги ипустишь въ чемъ мать родила? Да? И снова я побреду въ ближайшую редакцію?

Дорогой товарищъ! Но вѣдь это уже система старая и не тобой она открыта... Эта система примѣняется въ большихъ экономіяхъ, гдѣ рачительные хозяева стригутъ овецъ періодически въ извѣстные сроки, отпуская ихъ потомъ на травку, нагуливать себѣ новую шерсть до будущей стрижки.

Товарищъ, въ зеленомъ пиджакѣ! Ты черезъ три слова говорилъ о равенствѣ... Но развѣ есть равенство между овцой и ея хозяиномъ?

Подумай ты объ этомъ, зеленый. И если послѣ всѣхъ моихъ доводовъ ты назовешь меня съ глупымъ упрямствомъ — «буржуй», такъ я съ тобой больше и разговаривать не хочу!

И знаешь почему, мой зеленый другъ?

Потому что я — умнѣе тебя.

Вотъ тебѣ и равенство. Я — умнѣе тебя.

Какъ ты въ этомъ со мной сравнишься?

Есть одинъ способъ: каждый день, передъ завтракомъ, что ли, ты долженъ приходить ко мнѣ и ударомъ крѣпкой палки о мою голову затуманивать и понижать дѣеспособность моего мозга до такого уровня, чтобы онъ, мозгъ, сравнялся съ твоимъ.

Но хорошо ли это?..

Ну, вотъ я, слава Богу, и самоопредѣлился. Оказывается, что я — не буржуй. Ф-фу! Отъ сердца отлегло.

А до остальныхъ — до моихъ товарищей, единомышленниковъ и друзей — мнѣ нѣтъ никакого дѣла — пусть каждый самоопредѣляется и оправдывается передъ гражданами въ травяныхъ пиджакахъ — какъ хочетъ.

Аркадій Аверченко.

КРАСНАЯ ГВОЗДИКА.

Филологъ.

— Наконецъ-то нашъ городъ зажилъ по грамматикѣ!

— То есть?

— Былъ у насъ городской голова, теперь избрали вмѣсто него женщину. Ну, вотъ, у насъ теперь городская голова!.. Прелестная головка!

— Умная?

— Блондинка... Очаровательная!

Зарапортовался.

— А что у насъ сегодня на сладкое?

— Демократическая республика.

Задача для дѣтей старшаго возраста.

— Что больше: двоевластіе или одновластіе?

— Одновластіе.

— Почему?

— Потому, что двоевластіе равно безвластію.

Храбрый.

— Я совершенно не понимаю опасенія, что нѣмцы будутъ въ Петроградѣ!.. Только трусы и злонамѣренные люди сѣютъ панику... Ну, до свиданія, всего лучшаго!

— Куда вы такъ торопитесь?!

— Да я, видите ли, досталъ купю до Саратова, на завтра, нужно успѣть собрать жену и дѣтишекъ?!..

„Умные“.

— Читали, въ Москвѣ группа манифестантовъ вышла съ требованіемъ: «Дайте намъ царя!»

— Ну что жъ, я бѣ имъ далъ: посадилъ бы ихъ къ Николаю Романову... Если до сихъ поръ не разобрались въ немъ, то, посидѣвши съ нимъ, приглядѣлись бы и отказались бы отъ своего требованія.

Пустой сосудъ.

— Тяжело, вѣрно, теперь нововременцамъ.

— Легче легкаго!.. Они вѣдь, всегда мѣняли убѣжденія чаще, чѣмъ чистоплотные люди бѣлье.

— Но подумайте: монархія и республика — какая дистанція!

— Для нововременцевъ это пустяковый прыжокъ!.. Воцарись завтра анархія, и самые ярые анархисты окажутся въ Эртелевскомъ переулкѣ. Въ пустой сосудъ можно влить что угодно, а, выливъ, его можно снова наполнить чѣмъ угодно!

Программа minimum.

— Вы за мировую войну?

— Нѣтъ, я просто за мировую!

Исидоръ Гуревичъ.

КРУГОВОРОТЪ.

„Провокаторы часто доносили другъ на друга“

Изъ газетъ.

Въ сплетеніи крѣпкомъ, въ сплетеніи странномъ,

Та цѣпь создавалась умѣлой рукой...

Миронъ-провокаторъ слѣдилъ за Иваномъ.

Иванъ — за Трофимомъ. Трофимъ — за Степаномъ.

Степанъ — за Сергѣемъ. Сергѣй — за Лукой.

Другъ друга не знали всѣ вмѣстѣ и всякій...

И вотъ, за Лукою Дмитрій слѣдилъ.

За Дмитріемъ — Павелъ. За Павломъ — Исакій.

За нимъ — Еремѣй. За Еремѣй — Акакій.

За этимъ-съ — Илья. За Илюшею — Ниль.

А Ниль, четвертной съ «головы» получая,

Слѣдилъ за Андреемъ усердно съ утра.

Андрей своихъ глазъ не спускалъ съ Ермолая.

А тотъ — съ Моисея. Моисей — съ Николая.

Никола — съ Василья. Васильй — съ Петра!

И вышло такъ глупо. И вышло такъ странно.

Слѣдя за крамслѣй, какъ преданный пѣсь,

Плель Петръ на Мирона. Миронъ — на Ивана.

Иванъ — на Сергѣя. Сергѣй — на Степана.

Степанъ на Андрея въ охранку донесъ.

И вотъ результатъ провокаторской были:

Слѣдя другъ за дружкой въ грязи и пыли,

Они за... Россіей-то не услѣдили!

За что же васъ, черти, кормили-поили?

За что, дармоѣды, платили рубли?!

Доль.

Отъ издательства:

Въ половинѣ мая долженъ выйти въ свѣтъ новый журналъ памфлетовъ

≡ „ЭШАФОТЪ“ ≡

Иллюстрированный.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконтъ“.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ, 1917 г.,

выпускаемый на основаніи постановленія Временнаго Правительства
отъ 27 марта 1917 года.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000, и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигаціи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченіе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигаціями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенію ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсіи или выкупа.

Облигаціи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на бесплатное, простое храненіе или съ управленіемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманія до 1 іюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченіе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься съ 6 апрѣля по 1 іюня с. г. включительно:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,
въ Обществахъ взаимнаго кредита,
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,
въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.
въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по 5³/₄% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.

СУМЕРКИ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Николай: — Что это за вальсъ ты играешь такъ долго и упорно?
Алиса: — Хорошій: „Невозвратное время“.